ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертационное исследование Дёгтевой Ярославны Николаевны
«Чужой взгляд в творчестве Ф.М. Достоевского», представленное к защите
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертация Дёгтевой Ярославны Николаевны представляет собой состоявшееся, профессионально выполненное научное исследование. Диссертант показала обширную эрудицию, свободное владение современными методами анализа художественного текста и его социально-культурного бытования, углубленное знание творчества Достоевского и критической литературы о нем, умение интерпретировать классику в духе новейших теоретических разработок. Исследование проведено на стыке различных гуманитарных дисциплин: литературоведения, языкознания, психологии, философии и культурологи, что предопределяет его оригинальность и актуальность. Работа одновременно опирается на лучшие достижения классической филологической мысли, как отечественной, так и европейской, в то же время являясь их смелым развитием.

Лично для меня было очень существенным увидеть в этой работе новую актуализацию философии диалога М.М. Бахтина, что демонстрирует ее непреходящую ценность как в отношении изучения творчества Достоевского, так и применительно к теории словесности в целом.

Важно, что в работе преодолевается разрыв между различными областями гуманитарных знаний – литературоведением и психологией, зачастую говорящих об одних и тех же явлениях на разных языках и не признающих достижения друг друга. В данной диссертации методы двух дисциплин объединяются под эгидой философии.

В работе подробно разрабатывается теоретическое понятие чужого взгляда, исследуется функционирование этого феномена в творчестве Достоевского.

В **первой главе** «Проблема чужого взгляда в гуманитарной сфере знания» дается обзор теории визуальности в европейской мысли, начиная с идей Гердера и Лессинга и вплоть до трудов Бахтина, С. Франка, Бубера, Сартра, Р Лахманн, с учётом ее последующего применения к особенностям поэтики Ф. М. Достоевского. Исследуются генетические истоки поэтики визуального в творчестве писателя, в частности – её соотношение с визуальным функционалом в мифологии и фольклоре, а также с феноменом двойничества в эпоху романтизма, отразившемся в «петербургском тексте» Гоголя. Дается

феноменологическое и семиотическое определение понятия «чужого». За лингвистическим уточнением составного понятия «чужой взгляд» (далее ЧВ) следует его определение как ключевого, рабочего понятия диссертационного исследования в контексте поэтики Ф. М. Достоевского. Из комплекса значений, бытующих в языке, Ярославна Николаевна умело формирует свое рабочее научное понятие ЧВ. Единственно, я все же не стал бы называть, как это делает соискательница, ЧВ – «литературоведческим термином» – поскольку он является не только и не столько структурным элементом поэтики текста, сколько осмысляется совокупно как психологическое, философское и культурологическое понятие, в рамках отдельных направлений данных дисциплин, к тому же еще и многозначное. Совершенно справедливо феномен чужого взгляда рассматривается в контексте философии диалога, как функциональный элемент взаимодействия глобальных категорий «Я» и «Другого». В связи с этим хотелось бы пожелать диссертанту при обращении к трудам М.М. Бахтина обратить более пристальное внимание на его работу «Автор и герой в эстетической деятельности», где вводятся очень важные в контексте избранной темы категории «избытка видения» (у Другого) и «позиции вненаходимости» (у «Я»), которые могли бы еще принципиальней объяснить феномен ЧВ и его функционирование. Также я со своей стороны присоединил бы к теоретическому обзору (и далее задействовал в исследовании) классическую работу Б. Успенского «Поэтика композиции», строящегося на разработке понятия «точки зрения» в искусстве. Но допускаю, что автор диссертации просто хотел строго выдержать свою философскую линию рассмотрения «визуального».

Во **второй главе** «Чужой взгляд как элемент поэтики визуального в творчестве Ф. М. Достоевского» исследуемый феномен рассматривается внутри поэтической системы Ф. М. Достоевского. Отдельно обосновывается выбор произведений для последующего анализа в них феномена ЧВ. Отдельно анализируется самовосприятие героев как разновидность чужого взгляда. Выбор произведений следует признать убедительным и репрезентативным, обоснованным этапами становления в них типа «подпольного человека» в творчестве Достоевского. (Отдельно хотелось бы отметить исследовательскую смелость соискательницы, взявшей для рассмотрения роман «Бедные люди» – уникальный для писателя своей эпистолярной формой, крайне своеобразными героями и потому трудный для анализа ЧВ, ибо все ситуации ЧВ там даны опосредованно). Хотелось бы только сделать пожелание Ярославне Николаевне, если она будет далее

углубляться в данную тему, взять для рассмотрения еще роман «Братья Карамазовы», где ситуации ЧВ также многочисленны и крайне разнообразны по семантике (один безмолвный взгляд Христа генерирует множество смыслов, а кроме того там наличествует бесспорный двойник – черт, есть сцена «соблазнения» Лизой Алеши долгим взглядом и тд). К тому же включение «БК» было бы очень логично в плане того, чтобы проследить линию развития ситуации ЧВ у Достоевского от его первого до его последнего произведения.

Далее в главе исследуется роль описания визуального поведения в построении образов. Диссертант детально описывает механизм как однонаправленной, так и взаимной визуальной перцепции героев, разделяя две роли: субъекта и объекта восприятия, а также отдельно рассматривая феномен наблюдения за ЧВ «со стороны». Показано, как способы протекания ЧВ проясняют позицию и личностные черты воспринимающего героя, когда «вербальное нередко дополняется или замещается визуальным: взгляду доверяют больше, чем слову» справедливо отмечается такая важнейшая черта «скопического поведения» героев Достоевского, как особо пристальное вглядывание их друг в друга, вследствие их «подпольности» и неспособности к нормативному «светскому» общению. Проводится сравнение с аналогичным явлением у Гоголя, причем выясняется разная природа данной черты поэтики. Диссертант пишет: «У Ф. М. Достоевского, как и у Н. В. Гоголя, взгляд – триггер многих событий в тексте, но фиксация глаз на каком-либо персонаже связана, как правило, не с мистическими встречами, как в прозе предшественника, а с коммуникацией, самообъективацией или нервным напряжением (крайний вариант – болезнью) героев». Это все бесспорно, но с моей точки зрения, нельзя недооценивать мистический и мифологический элементы в прозе Достоевского, ярко проявившиеся в «Двойнике», но до конца не исчезнувших и в позднем творчестве («Вечный муж», а также привидения Свидригайлова, сны Раскольникова или роль портрета Настасьи Филипповны, «мистическая» сила ее взгляда, парализующая волю князя[1] – все примеры связаны с ситуацией ЧВ). Мистическая составляющая процесса ЧВ у Достоевского выступает то более, то менее отчетливо, и через фантастический характер двойников ведет к нивеляции категории Другого, подмену его спроецированной вовне Другостью»[2]. Мистический аспект ЧВ у Достоевского упоминается в работе

[1] См.: «…но тут было еще одно, что вы пропустили, потому что не знаете: я смотрел на *ее лицо!* Я еще утром, на портрете, не мог его вынести... Вот у Веры, у Лебедевой, совсем другие глаза; я... я боюсь ее лица! -- прибавил [Мышкин] с чрезвычайным страхом».

[2] См. об это мою книгу «Исповедь подпольного человека» 2001 г.

Ярославны Николаевны, но он был бы достоин более пристального рассмотрения, может быть, в отдельном подразделе.

В третьем разделе главы речь идет втором типе ЧВ – о самовосприятии (аутоперцепции) как разновидности чужого взгляда, понимаемого как «свой», ставший «отчужденным». Как постулирует диссертант, «Зрительное самовосприятие становится возможным за счёт введения в сюжет мотива двойника или опосредованного наблюдения себя (отражения)». В данном разделе дается углубленный и обширный экскурс в понятие двойничества в психиатрии, феноменологии и культурологии, отдельно разбирается феномен самосозерцания в зеркале, далее наработанная теоретическая база убедительно и изящно используется при анализе двойничества в повести «Двойник». Соискательница предельно углубляет понимание данной темы: «Поскольку в творчестве Ф. М. Достоевского реализованы гносеологическая и экзистенциальная функции отражения, появление Голядкина-младшего в «Двойнике» важно не столько как описание болезни или вторжения петербургского хаоса в человеке, сколько в качестве проявления экзистенциальных основ существования человека, который уходит от осознания конфликта с внешней действительностью за счёт распада собственной личности».

В связи с данным материалом хотелось бы задать уточняющий вопрос: приравнивает ли диссертант любое рассматривание себя в зеркале к ситуации ЧВ?

(На стр. 79 написано как о допущении: «Однако человек перед зеркалом (или двойником) **чаще всего** видит не то, как он выглядит сейчас, а то, что знает и помнит о собственном виде – смотрит абстрагированно, **возможно даже** «чужими глазами». Там же указывается, что чужой взгляд преобладает при взгляде в зеркало только при психическом расстройстве и раздвоении личности: «**В ситуации раздвоения** чужой взгляд занимает центральное место, вызывая потрясение и иногда утрату собственного Я» (выделение мое – АК). Однако в следующей главе, на стр. 103, все приводимые факты смотрения персонажей в зеркало оцениваются как пример того, что «герой смотрит на себя «чужими глазами»»).

По сознательному выбору диссертанта, «понимание двойничества ограничивается внешним сходством героев – соматическим подобием», так что «видимый двойник героя находится в сложном соотношении с его зеркальным отражением». Случаи внутренней близости и/или антагонизма как двойничество не рассматриваются, ибо в работе, в соответствии с заявленной темой, большое внимание уделяется поэтике визуального. С

таким решением можно согласиться, однако именно ситуации неявного двойничества делаются характернейшим явлением в поэтике позднего Достоевского, а взаимоотношения с «латентными» двойниками[3], равно как и при дуализме разного рода, приобретают причудливый колорит (отношения с Другим и в то же время с самим собой, полное понимание и видение собеседника изнутри), который должен придавать совершенно особые черты и ситуациям ЧВ при общении между ними (в частности, с такими двойниками не церемонятся и обращаются подчеркнуто грубо, что сказывается и на взаимной визуальной перцепции). Можно было бы попытаться выделить и попробовать рассмотреть такие ЧВ отдельно, что усложнило и обогатило бы классификацию ЧВ, хотя я сам не берусь представить себе результат подобного эксперимента в данный момент.

В **третьей главе** «Особенности феномена чужого взгляда в избранных произведениях Ф. М. Достоевского» в первых двух разделах разрабатывается типология и классификация ЧВ по большому количеству параметров и проводится статистическое исследование ситуаций ЧВ, призванное определить процентное соотношение выделяемых типов, а также общую частотность. Диссертантом устанавливается множество способов функционирования ЧВ в текстах. Классификацию можно считать работающей и соответствующей целям исследования. Разработка классификации и наглядная демонстрация ее в таблицах и графических схемах является одним из удачных мест в работе. Производимый «контент-анализ» демонстрирует распределение ЧВ по трем типам:

— чужие взгляды, отрефлексированные воспринимаемым объектом;

— чужие взгляды, отрефлексированные воспринимающим субъектом;

— чужие взгляды, описанные «со стороны», то есть лицом, не являющимся непосредственным актантом (повествователем или сторонним наблюдателем).

Как и всякое статистическое исследование, производимые вычисления представляют несомненный интерес, особенно количественное соотношение двух первых типов, показывающее, в каком из произведений у героев наиболее заметны «подпольные черты», вынуждающие героев сильно зависеть от чужого мнения и взгляда на себя (что сказывается в преобладании ЧВ с описанием рефлексии со стороны воспринимаемого объекта). Описание ЧВ «со стороны» повествователя естественно преобладает в произведениях,

[3] (являющимися таковыми, лишь в ряде сцен или измерений, как, например, Свидригайлов, Порфирий, Миколка по отношению к Раскольникову, или же Ипполит, Рогожин по отношению к Мышкину)

написанных от третьего лица, независимо от того, к какому периоду творчества они относятся. Однако хочется обратить внимание на то, что описание ЧВ со стороны повествователя тоже имеет своим предметом изображения либо реакцию смотрящего актанта, либо рассматриваемого, так что в этом отношении третий тип распределяется по первым двум (то есть если рассматривать не формальный источник описания, а его предмет). О выборе наиболее удачной методологии в этом случае можно спорить, но на мой взгляд, распределение по предмету описания было бы более информативно для понимания построения сцен и психологии героев: ведь известно, что речевой дискурс в произведениях Достоевского строится либо как диалог двух, либо т.н. «массовая сцена», когда вниманием всех стремится завладеть один определенный персонаж, желающий высказаться. И вот тут-то и интересно, кто – он или слушатели – владеют «визуальной», то есть психологической инициативой. К тому же вспомним, что выбор повествования от 1-го или от 3-го лица часто решался Достоевским в последний момент (так, «Преступление и наказание» вначале замышлялось и писалось от 1-го лица), что говорит о том, что для писателя это было подчас формальным моментом, не влияющим на главную цель: показать «бездны» сознания главных героев, или говоря языком Бахтина, чистое сознание героя, не завершенное автором.

Возвращаюсь к тому, что у каждого исследователя свои научные интересы и предпочтения, и каждый исследует тот ракурс темы, который ему ближе.

Последний и самый обширный раздел этой главы – исследование функционирования феномена ЧВ в каждом из репрезентативных произведений. Эта часть нам представляется наиболее удачной и важной во всей работе, с множеством интереснейших наблюдений, с большим количеством примеров, позволяющих выявить особенности каждого текста с избранной диссертантом точки зрения. Особенно запомнились наблюдения об отдельном «существовании» смотрящих глаз в отрыве от образа героя, которому они принадлежат, в случае непонимания и чуждости Другого воспринимающему Я. Сделано много интересных наблюдений над поэтикой произведений в целом, позволяющих по-новому осмыслить их идейную структуру.

Все-таки хочется сделать и здесь некоторые замечания. Во-первых, ряд приведенных примеров, особенно из «Бедных людей», касается рассматривания персонажами неодушевленных предметов (закрытого окошка Вареньки, квартиры Девушкина – с. 115-116, пример из «Игрока на с. 69). Но разве смотрение на неодушевленный объект тоже подходит под категорию

ЧЖ? На наш взгляд, Это неоправданное расширение понятия. Ведь **чужой** взгляд - это не просто взгляд, а взгляд **Другого,** ощущаемый неким Я как «чужой»? Если уйти от этой психологической составляющей ЧВ, то он будет равняться просто любому взгляду (который для самого смотрящего «свой», а для остальных в то же время – «чужой», и тогда в чем смысл данной дефиниции?). Сразу оговорюсь, что именно узкое понимание ЧВ выдерживается на протяжении всей диссертации. Тем удивительней видеть выбор данных единичных примеров. (Если я его-то не понял в примерах, надеюсь, диссертант меня здесь поправит).

И последнее. Я, несомненно, являюсь исследователем немного другого стиля, и потому мне показалось, что при профессионально выполненной теоретической разработке феномена ЧВ и доскональном описании механизма его функционирования с формальной стороны, диссертант в меньшей степени уделяет внимание его психологической и содержательной стороне: какие чувства смотрящий вкладывает в свой взгляд (у Д. – крайне яркая парадигма: от обожания и любовного приятия до насмешки и агрессии, вплоть до желания убить), какие интенции преследует смотрящий (желание установить контакт, оттолкнуть, душевный вампиризм и тд). Да, разумеется, соискательница всякий раз отмечает при введении примера его наполнение чувствами и интенциями, но если она хочет дальше расширять разработку данной темы, то хотелось бы увидеть применительно к содержанию ЧВ столь же детализированной статистики и классификации, которые очень много рассказали бы читателю об антропологии Достоевского.

Не менее важна сюжетная функция ЧЖ. Диссертант отмечает, и неоднократно, что «взгляд – триггер многих событий в тексте», но можно пойти еще дальше и наметить фазы процесса возникновения ЧВ и его возможных сюжетных разрешений (скандал, разрыв и тд). Некоторые самые важные, поворотные для сюжета ситуации ЧВ заслуживают отдельного разбора: «глядение» Мышкина на Настасью Филипповну при свидании ее с Аглаей, которое парализует его волю и предопределяет катастрофу всех четырех участников сцены; явление Ипполиту привидения Рогожина, насмешливо смотрящего на него в течение получаса, после чего Ипполит принимает «окончательное решение» покончить с собой (аналог в ПН – долгое рассматривание Свидригайловым спящего Раскольникова при первой их встрече); парадоксальный момент вглядывания Мышкина в лицо Рогожина, кидающегося на него с ножом; в ПН долгое молчаливое всматривание друг в друга Раскольникова и мещанина, произносящего главное обличение: «Убивец»!, что потрясает Родиона, но в конце концов

спасает его от ловушки Порфирия (тоже «играющего» с героем «глазами» во время допроса).

Высказанные замечания являются скорее пожеланиями, на которые вдохновляет богатство и глубина избранной диссертантом темы, и носят частный характер. Работа написана состоявшимся ученым, вносит заметный вклад в отечественное достоевсковедение и несомненно заслуживает самой высокой оценки.

Диссертация Дёгтевой Ярославны Николаевны на тему «Чужой взгляд в творчестве Ф.М. Достоевского» соответствует критериям, изложенным в пунктах 9-14 «Положения о присуждении учёных степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор, Дёгтева Ярославна Николаевна, заслуживает присуждения ей степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. (Русская литература).

доктор филологических наук,
доцент кафедры истории
русской литературы
филологического факультета
ФГБОУ ВО «МГУ имени
М. В. Ломоносова»

Криницын Александр
Борисович

Адрес: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы,
д. 1, стр. 51, филологический факультет
ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова»
Телефон: +7(495) 939-32-77
Веб-сайт: https://www.msu.ru
E-mail: ruslit@philol.msu.ru

«25» января 2019 г.

Подпись удостоверена
секретарём декана Окуневской Н.

М.П.